3. *Крашенинникова, Е.А*. Новое в немецкой грамматике / Е. А. Крашенинникова. – М., 1965. – Вып. 4.

4. *Кубрякова, Е.С.* Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1964. – № 1. – С. 95 – 100.

5. *Кубрякова, Е.С.* Основы морфологического анализа (на материале германского языка) / Е.С. Кубрякова. – М., 1974.

6. *Кубрякова, Е.С.* Типы первых компонентов словообразовательных конструкций как классы размытых множеств / Е.С. Кубрякова // Алейников П.А., Марина В.Г. Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. – Владивосток, 1980. – С. 90 – 103.

7. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под рук. М. Д. Степановой. – М., 1979.

8. *Степанова, М.Д.* О соотношении словосложения и словопроизводства (проблема «полуаффиксации») / М.Д. Степанова // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. – Владивосток, 1986. – С. 156 – 170.

9. *Ascoop, K.* Affixoidhungrig? Skitbra! Comparing Affixoids in German and Swedish. / K. Ascoop // The Lexicon: Typological and Contrastive Perspectives. Themenheft der Zeitschrift Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). – 2006. – Heft 3, J/g 59. – S. 241 – 252.

10. *Fleischer, W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Lpz., 1976. Kühnhold, I. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. III. Dritter Hauptteil: Das Adjektiv. / I. Kühnhold [u. a.]. – Berlin ; New York : de Gruiter, 1978.

11. *Schmidt, G.-D.* Das Affixoid. Zur Notwendigkeit und Brauchbarkeit eines beliebten Zwischenbegriffs der Wortbildung / G.-D. Schmidt // Deutsche Lehnwortbildung: Beiträge zur Erforschung der Wortbildung mit entlehnten WB-Einheiten im Deutschen. – Tübingen, 1987.

УДК 81`11

Т.Б. Заграевская

ГЕНЕЗИС АФРОАМЕРИКАНСКИХ ЭТНОФОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИДЕИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье критически анализируются основные концепции современных отечественных лингвистов по проблеме происхождения и эволюции афроамериканских этноформ английского языка. Представлено также авторское видение вопроса.

Английский, афроамериканский, генезис, креольский, пиджин, эбоникс, этноформа.

The article analyses the main concepts of modern Russian linguists concerning the problem of origin and evolution of Afro-American ethnoforms of English. The author`s vision of the issue is presented in the paper.

English, Afro-American, genesis, creole, pidgin, ebonics, ethnoform.

Проблемам возникновения, эволюции и современного состояния афроамериканских этноформ английского языка посвящено много гипотез и интерпретаций на почве как европейской, так и американской лингвистики. Большой вклад в решение ряда тонкостей этих проблем внесли отечественные ученые. Это, прежде всего, В.В. Жапов, С.Ю. Максимова, А.В. Богданова и Е.В. Шустрова [1], [2], [3], [4], [5].

В.В. Жапов, в частности, отмечает, что в современной американской лингвистике представлены три основные теории происхождения интересующей нас формы английского языка, которую, по его мнению, предпочтительно обозначать стилистически нейтральным англоязычным термином «Black English», хотя сам автор также использует для этого термины «афроамериканский вариант английского языка», «язык афроамериканцев» и «специфический язык черных американцев».

1. Самая ранняя расистская «донаучная» теория «Thick Lips», согласно которой многие специфические особенности речи чернокожих рабов объяснялись их якобы врожденной биологической неспособностью овладеть стандартным литературным английским языком.

2. Теория креольского происхождения «Black English», согласно которой, последний возник в результате «релексификации» креольского языка плантаций (plantation creóle), который, в ранний период колонизации Северной Америки, был распространен на всей юной территории этого континента [2, с. 7 – 8, 149 – 164]. Здесь релексификация представляет собой процесс замены лексического наполнения сохраняемых грамматических моделей. Дальнейшая эволюция языковой этноформы «Black English» проходила по схеме: пиджинизация → креолизация → декреолизация.

3. Диалектологическая теория «консервации», согласно которой в качестве характерной черты этноформы «Black English» выступает сохранение ею известных архаичных свойств, которые были присущи восточно-английским диалектам переселенцев, диалектам, которые оказали решающее воздействие на формирование англоязычных диалектов Юга США.

В отличие от них, в современной отечественной англистике выдвинута, по мнению В.В. Жапова, социолингвистическая теория происхождения «Black English», согласно которой англоязычная этноформа «Black English» возникла и сформировалась в каче-

стве самостоятельно функционирующего языкового образования под воздействием целого ряда социальных факторов. Ведущим из них стала изоляция и урбанизация афроамериканского населения в «черных этнических гетто» больших городов. Вместе с тем, ученый считает, для наиболее полного понимания отличительных признаков этноформы «Black English», а также структурных и социально-функциональных характеристик этого «африканского варианта английского языка», необходимо принять во внимание все основные позиции отмеченных выше теорий его происхождения: «креольского континуума», «консервации» и социолингвистической теории. При этом автор подчеркивает, что вопрос о происхождении самой социально-коммуникативной системы афроамериканского варианта английского языка все еще остается открытым и не до конца решенным. В его собственном видении Black English первоначально подвергался значительному влиянию со стороны английского языка, преимущественно в виде лексических заимствований. Однако по мере становления «этнического самосознания афроамериканцев» Black English, как и вся «черная» культура, сами становятся достаточно активными социально-языковыми факторами воздействия как на стандартный американский вариант английского языка, так и на американское общество.

В своем подходе к этноформе «Black English» В.В. Жапов отмечает следующие характерные черты становления и современного состояния этого этноязыкового феномена:

1. Black English происходит из «одного вербального источника», в качестве которого выступает «черный» фольклор, вербальные ритуалы которого отражают африканский опыт, впитывают афроамериканские культурные и поведенческие традиции, ценности этого этноса.

2. На начальной стадии становления Black English источником, активно способствовавшим развитию его словарного состава, выступал «западноафриканский языковой фон».

3. Сейчас Black English представляет собой специфическую социально-коммуникативную систему, которая обладает внутренней целостностью и градацией и функционирует в качестве социально-культурно-этнической языковой формы, проявляющей известную социально-классовую, ситуативно-стилистическую и региональную вариативность, опосредованную возрастом, полом и образом жизни своих носителей.

4. Целостность этой системы поддерживается именно фольклорной традицией Black English, в которой проявляются следующие модели вербального поведения его носителей:

а) языковая игра,

б) «сигнификация» – косвенная передача смысла посредством «передразнивания», пародии, иронии и повтора,

в) «Зов – Ответ»,

г) пословицы и поговорки.

5. Black English обладает своеобразным звучанием, ритмом, краткостью, а также невербальными способами выражения; для него присущ устный дискурс, предопределяющий основные способы расширения его вокабуляра – семантическую инверсию, переосмысление, антономазию, апеллятивацию, фразеологизацию, ономатопею, сокращение, применение цифр.

6. Его социокультурная специфика проявляется в том, что своеобразие образа жизни афроамериканцев отражается в этнолингвистическом пространстве формы «Black English»; при этом, несмотря на ее социолингвистическую вариативность и социальную градацию, лексикон этой этноформы известен и понятен любому афроамериканцу и выступает в качестве одного из источников пополнения вокабуляра английского языка.

7. Неприятие афроамериканцами «белых» стандартов жизни, их стремление отделиться от «ложной» культуры белых отразились в «контрадикторном» функционировании «белого» и «черного» языковых кодов, где для этноформы «Black English» характерна непонятность для непосвященного, вследствие секретности и закодированности ее лексикона.

С.Ю. Максимова рассмотрела основные подходы к изучению генезиса, в ее терминах «афроамериканского социально-этнического диалекта» в рамках отмеченных выше (а) диалектологической и (б) креолистской гипотез и предложила свое видение его коммуникативного и типологического статусов [3, с. 10 – 62].

Важными можно признать следующие мысли автора:

1) своеобразная специфика современного афроамериканского социально-этнического диалекта обусловлена следующими особенностями его формирования:

а) с момента возникновения данное языковое образование функционировало в качестве «языка» устного общения среди африканских рабов в территориально ограниченной сфере их обитания;

б) на бытие афроамериканского диалекта воздействовал ряд экстралингвистических факторов, включая массовую миграцию негров и их урбанизацию;

в) коммуникативная система этого диалекта, утратив свою территориальную закрепленность, вместе с тем сохранила совокупность ряда существенных социальных и этнических признаков, которые делают возможным признание этой языковой этноформы в качестве полноправного социально-этнического диалекта афроамериканцев;

2) афроамериканский социально-этнический диалект обладает как общими для американского варианта английского языка внутриструктурными чертами, так и целым комплексом специфических отличительных особенностей, включая следующие характерные для него социальные, функциональные и структурные свойства:

а) ограниченность сфер его социально-коммуникативных функций, вследствие его подчиненности американскому варианту английского языка, который доминирует в США;

б) наличие фонетических (преимущественно, консонантных) и морфолого-синтаксических (опу-

щения предикативной связки, двойного отрицания, превербальных маркеров аспектуальности) отклонений от литературной нормы;

3) существование в его структуре «креольских универсалий», обусловленных его (классической для большинства креольских языков) моделью формирования и эволюции: пиджинизация → креолизация → декреолизация, свидетельствующих о том, что афроамериканский социально-этнический диалект сохранил значительное структурное сходство с ранними этапами своего существования».

А.В. Богданов, рассматривая вопросы становления в его терминах, «эбоникса» или «афроамериканского этносоциального специфического жаргона», утверждает, что последний формировался совместно с литературным стандартом американского варианта английского языка, проходя на пути своей эволюции этапы от пиджинизации к креолизации и декреолизации [1]. Более того, автор считает, что в своем нынешнем виде эбоникс сформировался именно после образования «стандартного американского варианта английского языка» [1, с. 5 – 11].

В связи с этим, исследователь обобщил основные подходы к объяснению генезиса афроамериканского этносоциального специфического жаргона, объединив их в два направления:

1) асоциальные подходы, в основе которых лежит представление о том, что языковые изменения обусловлены универсальными законами и внутренними закономерностями развития языковой структуры, вне зависимости от экстралингвистических факторов;

2) социальные подходы, основывающиеся на том, что языковые изменения полностью обусловлены экстралингвистическими факторами – историческими, социологическими и психологическими.

Для подтверждения этого он привел две теории происхождения эбоникса:

– диалектологическую теорию, согласно которой последний произошел из британских региональных диалектов, привнесенных на американскую почву европейскими переселенцами с Британских островов (из Англии, Ирландии и Шотландии);

– теорию креольского происхождения эбоникса, в соответствии с которой последний бытовал первоначально на уровне пиджина, затем преобразовался до уровня креольского языка, позднее подвергшегося декреолизации.

На изложенном выше основании, а также принимая во внимание сложившуюся в США уникальную социально-языковую ситуацию, когда внутри одного английского языка и единой американской нации под воздействием социальных факторов сформировалась особая, с богатыми культурными традициями, языковая форма, обслуживающая общение весьма большой части населения США, А.В. Богданов выдвигает гипотезу о том, что речь афроамериканцев представляет собой афроамериканский специфический этносоциальный жаргон, который обладает некоторыми признаками диалекта. Другими словами, эбоникс находится на пути получения диалектного статуса, поскольку эти признаки еще не вполне достаточны, чтобы он мог правомерно называться диалектом в традиционном понимании данного термина. В частности, эбоникс не создает полную диалектологическую картину мира, как это делает территориальный диалект. В связи с этим автор также утверждает, что эбоникс не может выступать и в качестве койне, поскольку он не является говором на том основании, что специфика эбоникса, как и его этнокультурная составляющая, далеко выходит за рамки фонетических особенностей, являющихся ведущим признаком говора.

В терминологическом плане А.В. Богданов отмечает, что английский термин «Ebonics» (где ebony ‘черный’ + phonetics ‘фонетика’; в русской транслитерации – «эбоникс) был введен в научный обиход в 1973 г. доктором психологии, профессором Р.Л. Уильямсом, который требовал для этой этноязыковой формы статуса полноправного языка. В этой связи автор отмечает, что наиболее часто в качестве синонимического наименовании эбоникса в зарубежной лингвистике используется термин «African American Vernacular English», в составе которого значение компонента «vernacular» в русском переводе весьма расплывчато: «разговорный», «просторечный», «народный», «местный», «родной». На этом основании он считает невозможным рассматривать эбоникс в качестве «вернакулярного языка», поскольку последний должен быть родным языком такой группы носителей, над которой в социально-политическом плане доминирует иная мегагруппа, которая говорит на другом языке. Другими словами, чтобы получить статус «вернакулярного языка», по мнению исследователя, эбониксу необходимо стать самостоятельным языком, что в настоящее время исключено. Более того, ученый считает ошибочным присваивание эбониксу не только статуса отдельного языка, но даже статуса варианта английского языка, по той причине, что эбоникс, несмотря на значительную специфику в лексике, фонетике и грамматике, сформировался, в основном, на базе американского варианта полинационального английского языка и по настоящее время разделяет с этим вариантом фонетическую и грамматическую системы, а также имеет схожую лексическую основу.

Е.В. Шустрова отмечает, что афроамериканский вариант английского языка появился в весьма неблагоприятных для языкового существования условиях, однако, несмотря на это, его носители – черное население США – бережно сохраняют свой язык, поскольку он все еще хранит в себе немногие свидетельства об их исторической прародине, а также воспоминания об африканских рабах, трудившихся на плантациях и фермах, создавая свою культуру, мировоззрение и этносознание [4, с. 12], [5, с. 13 – 14].

В настоящее время, как и в период рабовладения, все американское общество, включая и афроамериканскую диаспору, характеризуется известным социальным расслоением, своеобразной системой взаимоотношений, которая связывала белых и невольников как жителей США различиями в системах религиозных верований, которые сложились в результате слияния африканских языческих культов, с одной

стороны, и христианских (протестантских, баптистских, католических) и, реже, исламских заповедей и обрядов, – с другой. Все это отразилось в особенностях афроамериканской устной традиции, метафорики, сакральности речи, традициях кодирования речи, в вопросно-ответном способе коммуникации, использовании невербальных средств передачи информации, в искусстве «signifyin'», представляющем собой такое закрепленное традицией речевое поведение, которое нацелено на передачу скрытого смысла.

Делая краткий обзор истории изучения афроамериканского английского, Е.В. Шустрова затронула два аспекта интересующей нас проблематики, связанной с его происхождением и эволюцией: корни афроамериканского английского – (1) креольские или (2) британско-диалектальные.

Обозначая первый аспект данной проблематики, автор отметила, что вопрос о креольском происхождении афроамериканского варианта английского языка был поставлен достаточно давно, еще в 1914 г. Г. Шухардтом, был подхвачен Л. Блумфилдом, К. Уайзом и Т. Пардо. Эта же мысль была поддержана и дальше развита в работах Дж. Бо, Г. Бэйли, Дж. Дилларда, У. Лабова, Дж. Смитерман и других ученых. Комментируя креолистскую гипотезу, Е.В. Шустрова указывает на то, что согласно этой теории наиболее ранняя разновидность афроамериканского английского выступала в качестве некоего «базилектного креольского», который в процессе своей постепенной декреолизации превратился в «мезолектный» креольский, а из него – в «акролектный», приблизившись в последней форме к стандартному американскому английскому. Таким образом, процессы креолизации и декреолизации афроамериканского английского были неоднородными.

Обозначая диалектологические подходы к объяснению происхождения афроамериканского варианта английского языка, Е.В. Шустрова отмечает, что в этом случае считалось, что данная афроамериканская этноформа возникла непосредственно на базе британских территориальных диалектов английского языка, минуя стадии как пиджинизации, так и креолизации и последующей декреолизации.

При этом в работах многих сторонников креолистского подхода к происхождению афроамериканского варианта английского языка указывается и на влияние английских диалектов на эту афроамериканскую языковую форму [см., напр., 7]. С другой стороны, в работах многих сторонников диалектологического подхода к данной проблеме отмечалось влияние креольского субстрата. Здесь автор соглашается с мнением С. Муфвене о том, что ни теория диалектологического происхождения афроамериканского английского, ни креолистская теория, применяемые отдельно друг от друга, не могут полностью раскрыть все аспекты возникновения данного явления [6, с. 72].

Уточняя свой собственный подход к данной проблеме, Е.В. Шустрова разъясняет, что она не отрицает влияния британских диалектов на возникновение и развитие афроамериканского варианта английского языка, но подходит к этому явлению с креолистских позиций, согласно которым этот вариант, на котором говорят выходцы из Африки, прошел в своем становлении этапы пиджинизации, креолизации и декреолизации. Мы, в целом, разделяем этот подход, сущность которого заключается в следующих позициях.

Ранняя стадия возникновения афроамериканского английского отмечена смешением стандартного английского и аборигенных африканских языков. Первый выступает в качестве языка-источника, а вторые – в качестве языков-субстратов. Наложение вторых на первый привело к возникновению исходного афроамериканского пиджина, который функционировал в качестве средства общения между черными и белыми на плантациях. Этот первоначальный пиджин строился на упрощенной грамматической основе английского языка с включением ряда морфологических и синтаксических черт из африканских языков. Словарный состав данного пиджина также складывался на этой смешанной европейско-африканской базе. При этом данный пиджин не был родным языком ни для кого из африканских невольников.

Следующая стадия развития афроамериканского английского – это процесс креолизации исходного пиджина, сопровождавшийся расширением его коммуникативных функций, усложнением его грамматики и ростом его вокабуляра. Все это привело к «нативизации» креолизировавшегося пиджина, реализовавшейся в появлении его исконных носителей, для которых он стал родным креольским языком. Этому способствовало также совместное проживание большого числа рабов и их родственное смешение между собой.

Следующая, заключительная стадия развития афроамериканского английского отмечена процессами декреолизации сложившегося пиджино-креольского языка, в результате чего современный афроамериканский вариант английского языка получил статус автономной креолизированной экзистенциальной формы американского варианта английского языка, обладающей сложившейся системой фонетических, грамматических и лексических особенностей [4, с. 12 – 16, 57].

Литература

1. *Богданов, А.В.* Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Богданов. – М., 2007. – URL: http://www.pandia.ru/91153/

2. *Жапов, В.В.* Лексико-семантический состав и особенности функционирования Black English на современном этапе: дис. ... канд. филол. наук / В.В. Жапов. – М., 2002.

3. *Максимова, С.Ю.* Морфолого-синтаксическая специфика афро-американского социально-этнического диалекта: дис. ... канд. филол. наук / С.Ю. Максимова. – Саратов, 2004.

4. *Шустрова, Е.В.* Афроамериканский английский: В 2 т. / Е.В. Шустрова. – Т. 1. Лексика и текст. – М., 2007.

5. *Шустрова, Е.В.* Афроамериканский английский: Семантические переносы и сдвиги / Е.В. Шустрова. – М., 2008.

6. *Mufwene, S.S.* et al. African-American English: structure, history and use. / S. Mufwene, J. Rickford, G. Bailey, J. Baugh. – London; N. Y., 1998.

7. *Winford, Donald* (1992), "Back to the past: The BEV/creole connection revisited", Language Variation and Change 4 (3): 311–357, doi:10.1017/S0954394500000831

УДК 81’42

Ю.О. Кальниченко
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И.А. Мартьянова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ИНТРПРЕТАЦИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОВЕСТИ В.В. НАБОКОВА «ДРУГИЕ БЕРЕГА»

В статье рассматриваются функционально-композиционные особенности многокомпонентных сложных высказываний в повести В.В. Набокова «Другие берега» и определяется их роль в раскрытии авторского замысла.

Многокомпонентное сложное высказывание, текст, стиль, функционально-композиционные типы речи, композиционно-синтаксическая организация текста.

The article considers functional and compositional features of multicomponent complex utterances in V.V. Nabokov's novel "Other shore" and their role in revealing the author's idea is defined.

Multi-component complex utterance, text, style, functional and compositional types of speech, compositional-syntactic organization of the text.

Творчеству В.В. Набокова посвящено большое количество литературоведческих и лингвистических исследований. В работах отечественных (О. Дарк, А. Долинин, А. Мулярчик, О. Сконечная и др.) и зарубежных (Н. Букс, Л. Геллер, И. Паперно, Дж. Грейсон) ученых [10] внимание главным образом уделяется изучению стиля, особенностей лексической организации произведений писателя, анализу сюжета. Вопрос о специфике композиционно-синтаксической организации прозы В. Набокова остается по большей части неразрешенным.

Между тем организация текста вызывала пристальный интерес Набокова, в «Лекциях по зарубежной литературе» он отмечал: «…кружево, узоры, ткань одновременно эмоциональная и логическая, изящная и полная смысла текстура – вот что такое стиль, вот что составляет основу писательского мастерства» [9, с. 102].

А. Битов заметил: «Превращение жизни в текст (воображение) подобно возвращению текста в жизнь (память)» [1, с. 23]. Тема памяти, воплощенная в образе Мнемозины, является центральной в «Других берегах». У писателя, как отмечал М. Липовецкий, «память предстает как глубоко нравственное начало, противостоящее беспамятству, забвению и хаосу, как основа веры и творчества» [цит. по 10, с. 664]. Она определяет ассоциативность повествовательной структуры, особенности хронотопа.

Так, символичный образ «колыбели, качающейся над бездной» в абсолютном начале повести настраивает героя на раздумья о непостижимых законах времени, гранях бытия и небытия, «побуждают высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни» [10, с. 664]:

> Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, в которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час.

«Старомодная архаичность» (Мнемозина) еще более остраняет и саму тему времени, переходящую в тему торжествующей жизни (сопряжение временных планов настоящего, прошлого и вечного), и новаторство ее композиционно-синтаксического выражения [6, с. 213]. Повествование представляет собой редуцированную демонстрацию событий, связанную с мифологизацией сознания.

Анализ повествовательного уровня предполагает обращение исследователя и к проблеме автора. Образ автора, представляя собой «фокус целого» [2, с. 118], на страницах повести многолик – это и сам автор, лирический герой воспоминаний, его двойник или бесплотный представитель. Эти типы образа автора не противопоставляются друг другу, а взаимопредполагают друг друга [6, с. 214].

> Я не поехал встречать ее на Сиверскую, железнодорожную остановку в девяти верстах от нас; но теперь высылаю туда призрачного представителя и через него вижу ясно...

В «Других берегах» доминирует редуцированная демонстрация событий, связанная с мифологизацией авторского сознания. При этом у читателя складывается ощущение не фрагментарного повествования, а целого, неделимого развертывания событий во времени и пространстве.